

ЧЕРНОКОВ А.Э.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В статье излагаются основы социально-антропологического подхода к праву и государству в традиционном обществе.

Ключевые слова: *традиционное общество, обычное право, вождество, рецепция права.*

По общепринятым в отечественной исторической науке мнениям, формирование государства у восточных славян начинается в IX веке под влиянием ряда внешних факторов. К таковым можно отнести необходимость объединения отдельных племен в целях успешной борьбы с хазарским каганатом и централизаторскую деятельность варяжских конунгов на территории Северной Руси. Внутренними же факторами ускорения политогенеза представляется рост городских поселений и активная торговля между ними, осуществляемая как раз посредством варяжских дружин, включавших в себя не только воинов, но и купцов. По мысли В.О. Ключевского, «осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, вступая в торговое товарищество с туземцами или нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути и торговых людей, т.е. конвоировать русские торговые караваны»¹. Вопрос о реальном воздействии скандинавских воинов на становление отечественной государственности, на наш взгляд, в течение нескольких столетий носил сугубо идеологический характер, а не научный. Приверженцы «норманнской» теории в большинстве своем были представителями «германского мира» в русской культуре, либо активными поборниками монархических начал властвования (Н.М. Карамзин).

«Почвенниками» же влияние норманнов не воспринималось в качестве исторической реальности (И.Д. Беляев), также как и позднее историками советской эпохи (М.Н. Покровский). В настоящее время целесообразно подходить к этой проблеме с позиций социальной антропологии, позволяющей более взвешенно

анализировать исторические события. Прежде всего, необходимо определиться с самим понятием «государственность» и его соотношением с «государством». На наш взгляд, это не тождественные феномены. Государственность, как верно отмечает В.А. Затонский, «охватывает собой всю совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально многообразных государственно-политических, правовых (юридических), административных, общественно-политических, нравственно-этических и иных (так или иначе связанных с государством и реализацией его функций) средств (явлений), институтов, взаимоотношений (взаимодействий), контактов, связей, взаимозависимостей, с помощью которых и вместе с которыми государственная власть оказывает регулятивно-организующее, стабилизирующее, интегрирующее и активизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей, а граждане имеют возможность оказывать через структуры гражданского общества сдерживающее, направляющее, нормотворческое, организационное, а также ограничивающее влияние на государство и государственную власть»².

Конечно, современные определения государственности и в особенности реальное ее восприятие населением существенным образом отличаются от эпохи традиционного общества, в котором власть носит персонифицированный характер и легитимируется в рамках того или иного религиозного направления. Отмеченные внешние формы воздействия на процесс становления государственности существовали в различных регионах мира (Индия, Древняя Греция, Древний Китай) и в них нет ничего необычного. На Руси варяжские дружины также выступали в качестве консолидирующей силы, однако изначально фор-

¹ Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. / В.О. Ключевский. – М., 1995. – С. 114.

² Затонский, В.А. Эффективная государственность. / В.А. Затонский. – М., 2006. – С.16.

мирование сложных политических систем происходило в результате образования городов-государств, объединявших вокруг себя сельские общины. Таким образом, «появление городских центров было ключевым фактором укрепления новых территориальных общностей, основанных не на племенном, а на хозяйственно-политическом единстве – городских областей. Они играли важнейшую роль в сплочении территориальных союзов племен, в формировании протогосударственных (предгосударственных, прагосударственных) институтов»¹. Городские центры постепенно брали на себя функции координации и управления подчиненной территорией. Не последнюю роль в этом процессе играют обменные связи, сплавляющие отдельные племена и родовые группы в единое территориальное сообщество². Древнерусский город, по мнению ряда исследователей, появляется «на позднем этапе родо-племенного строя, когда образуются крупные племенные и межплеменные объединения, называемые в летописи полянами, древлянами, северянами, словенями, кривичами, полочанами и проч. Возникновение племенных союзов неизбежно предполагало организацию центров, обеспечивающих их существование. Ими и были города. В них пребывали племенные власти: вожди (князья), старейшины (старцы градские). Там собиралось вече – верховный орган племенного союза. Здесь же формировалось общее войско, если в этом возникала потребность. В городах были сосредоточены религиозные святыни объединившихся племен ...»³.

Таким образом, перед нами – типичное вождество, эволюционирующее от племенного строя к территориальному раннему государству. Варяжский же элемент, как уже было указано, брал на себя посреднические и охраняющие функции, а также в конце IX в. дал Руси единую правящую династию, «скандинавские» черты которой исчезли уже через 2-3 поколения в результате «славянивания» (правящий слой не образовывал замкнутую касту и достаточно быстро растворился в местной культурной среде).

За варяжскими князьями и их дружинами достаточно долго сохранялись функции

внешней защиты страны и управления ее отдельными частями. Процесс перехода от «вождества» к государству достаточно хорошо просматривается на примере возвышения в IX в. Северо-Западной Руси. Это государственное образование «обрело значительный экономический и военный потенциал, а во главе его стояли талантливые князья (субъективный фактор) Рюрик и Олег. В нем быстрее, вероятно, происходил процесс концентрации княжеской власти вследствие включения в систему управления княжих служилых людей. В этих условиях значение традиционных племенных институтов все более ограничивалось местным самоуправлением. Сбор межплеменного народного собрания становился невозможен. Напротив, активизировалось управление посредством назначенных князем служилых людей с княжескими представительскими и управленческими функциями. Опорными пунктами княжеской власти становились не древние племенные религиозные и идеологические центры, а укрепленные торговоремесленные и военные поселения с территориальной организацией на торговых путях, имевших также важнейшее военно-стратегическое значение»⁴.

На стадии «вождества» реальные централизаторские устремления князей не могли идти дальше установления собственного контроля над центрами торговоремесленной деятельности (Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк). Сельские общины (верви) и города в своей повседневной жизни руководствовались обычным правом и не испытывали сильного давления со стороны княжеской администрации. Потестарная власть основывалась прежде всего на таком общераспространенном явлении как полюдь. Это следует понимать предельно широко, а именно как целостный комплекс общественных отношений, включающий в себя экономические, политические, судебные, религиозные и др. функции. По мнению Ю.М. Кобищанова, «экономическое содержание полюдья заключается в том, что оно устанавливало продолжительное, относительно регулярное, фиксируемое обычаем изъятие прибавочного продукта у организованных общин мелких производителей при личном участии глав ранних государств»⁵.

Древнерусская государственность формировалась довольно долго и была внутренне

¹ Юшков, С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.) / С.В. Юшков. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 11.

² Суматохина, А.А. Россия – Запад: экономический аспект исторической тенденции взаимоотношений. / А.А. Суматохина. – М., 2006. – С.45-49.

³ Фроянов, И.Я. Города-государства в Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко // Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). – Л., 1986. – С. 215-216.

⁴ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред. А.П. Павлов. – СПб., 2006. – С. 29.

⁵ Кобищанов, Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. / Ю.М. Кобищанов. – М., 1995. – С. 236.

слабой. Этому во многом способствовали географические условия (огромные равнинные пространства и леса), затруднявшие централизацию и одновременно требовавшие ее осуществления¹. Власть охватывала все новые территории, однако не могла и не стремилась контролировать частную жизнь людей в силу отсутствия разветвленного управленческого аппарата. Восприятие же населением власти носило персонифицированный характер и опиралось как на языческие представления об идеальном правителе (князь-воин), так и на христианские постулаты о божественной природе «начальствующих» и об их призванности противостоять хаосу и анархическим порывам «темных сторон» людей. Как отмечает П.А. Сапронов, «для Киевской Руси род Рюриковичей представлял собой совершенно особое общество. Никто помимо них не смел претендовать на княжеский титул и власть над русскими землями. Никакой особой связи, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам, между князьями Рюрика дома и Богом при этом не устанавливалось и не усматривалось. Русские князья были в первую очередь воинами – защитниками своей земли и затем – устроителями ее жизни. Именно эта роль и достоинство повсеместно за ними признавались. Представить себе русского князя в домонгольской Руси иначе, чем возглавляющим свое войско, ведущим его от битвы к битве и лично участвующим в сражениях, совершенно невозможно»².

Политическое развитие Руси и Западной Европы до определенного момента осуществлялось по сходному сценарию (длительный период ранней государственности, господство обычного права, дополненное отдельными актами верховной власти). С этих позиций можно говорить о том, что Киевская Русь – европейское государство и динамика ее культуры совпадает в общих чертах с Западом (учитывая, конечно, разницу во времени варварские германские королевства образуются в V-VI вв., а Русь – в IX столетии). Тогда прав оказывается Д.С. Лихачев, который писал: «Обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно, Византийская куль-

тура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавская в основном – военнотружинное устройство»³. Движение Киевской Руси по европейскому пути вряд ли нужно и можно подвергать сомнению, важно учитывать уже упоминавшиеся географические особенности (огромные открытые пространства, легко преодолеваемые кочевниками). Кроме того, следует достаточно ясно представлять себе и тот факт, что в отличие от Запада, получившего в наследство от античной эпохи многие достижения в сфере управления, права и философской мысли. Русь же заимствовала из Византии прежде всего церковную литературу и обрядовость богослужения, а не собственно политическую систему и правовые принципы. Византия IX-XII вв. уже утратила поступательный вектор развития и все усилия направляла на сохранение единства страны. Единство же могло быть обеспечено в тех условиях только путем расширения использования концепции «симфонии» властей. По мнению И.П. Медведева, «все большее слияние двух самостоятельных властей в Византии – гражданской и церковной – отразилось и в праве данного времени, в юриспруденции как таковой, в активизации деятельности византийских юристов по составлению юридических сборников, в которых вперемешку представлены (в эксерптах или полностью) памятники гражданского и церковного законодательства»⁴.

Отметим еще одну характерную деталь: государственность средневекового Запада во многом основывалась на договорных началах. Европейское Средневековье пронизано множеством разноуровневых договоров. Даже взаимоотношения с Богом могли получить договорную форму. Этот факт отмечают многие современные исследователи. Например, Ю.М. Лотман считает: «В рыцарском быту Запада, где отношения с Богом могут моделироваться по системе «сюзерен-вассал» и подчиняться условному ритуалу типа посвящения в рыцари и служения Даме, договор, скрепляющий его ритуал, жест, пергамент и печати осеяются ореолом святости и получают высший ценностный авторитет. На Руси договор воспринимается как дело чисто человеческое, в значении: «человеческое» как противоположное «божественному». Введение крестного целования в тех случаях, когда необходимо скре-

¹ Гладкий, Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. / Ю.Н. Гладкий. – СПб., 2006. – С. 37-41.

² Сапронов, П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. / П.А. Сапронов. – СПб., 2001. – С. 513.

³ Лихачев, Д.С. Раздумья о России. / Д.С. Лихачев. – СПб., 1999. – С. 35.

⁴ Медведев, И.П. Правовая культура Византийской империи. / И.П. Медведев. – СПб., 2001. – С. 230.

пить договор, свидетельствует именно о том, что без безусловного и внедоговорного божественного авторитета он недостаточно гарантирован»¹.

Соответственно, степень традиционализма была гораздо выше, чем в странах Запада, государственность которых изначально питалась наследием античности. Слабость центральной власти в Киевской Руси объективно вела к самостоятельности сельских и городских общин. Этот аспект жизни древнерусского общества опережен в летописях, а также отмечен многими современными авторитетами. На особую роль общинного начала, несомненно, оказала воздействие огромная территория государства и «родовое» владение им наследниками Рюрика. В среде правящей династии так и не сложилась четкая система перехода власти от одного великого князя к другому. Прибавив к этому отсутствие централизованной бюрократии, получив достаточно аморфное политическое образование. По сути, «Рюриковичи приходили в русские города со своими родственниками и дружиной, а не с феодалами в западном смысле слова. Не имея возможности свободно распоряжаться русскими землями, варяжские князья не могли привязать к себе своих дружинников экономически, раздавая им землю в собственность. Если на Западе наличие такой возможности у королей привело к раннему формированию иерархии собственности и вассальной зависимости феодалов от своих синьоров, составивших основу феодальных отношений в европейских странах, то дружина киевского князя не была связана с ним отношениями вассалитета. Отношения князя и дружины изначально строились на добровольных началах, основу которых составлял принцип личной преданности и товарищества»².

Киевские князья выступали прежде всего в качестве военных предводителей, и чем удачливей был тот или иной из них, тем большее количество соратников он мог собрать вокруг себя. Дружина в целом выступала в качестве управляющего центра³. Из ее числа назначались наместники в города и администраторы в сельские общины. Кроме того, именно дружина оказывалась тем инструментом, с помощью которого князь мог осуществлять свои функции. На всем протяжении

домонгольского периода истории Руси можно наблюдать существенные противоречия между князьями и городами⁴. Ряд городов сумел добиться автономности от княжеской администрации (Новгород, Псков, Вятка), а в других (Галич, Киев, Смоленск) время от времени происходили столкновения горожан с князьями, заканчивавшиеся изгнанием или даже гибелью последних⁵. Поэтому объективно «в период перехода от «военной демократии» и становления древнерусской государственности князь в своих действиях (прежде всего военно-полицейского характера) постоянно ориентировался на дружину, и если прямо не выполнял ее предписаний, то в той или иной степени все равно был вынужден считаться с ее мнением»⁶.

Кроме всего прочего, большинство городов представляли собой самоуправляющиеся общины (в особенности Юго-Западная Русь), отстаивавшие свою независимость от посягательств княжеской администрации. Князь не воспринимался населением в качестве «неприкосновенной» персоны, находящейся под защитой Бога. Принятие христианства не привело к сакрализации власти как таковой. Скорее, наоборот. Церковные иерархи Киевской Руси достаточно часто обращаются к князьям с увещаниями и поучениями. Так, один из крупных церковных иерархи Киевской Руси достаточно часто обращаются к князьям с увещаниями и поучениями. Так, один из крупных церковных писателей, митрополит Никифор писал: «Об этом исследуй, князь мой, и о тех поразмысли, кто изгнан тобой, об осужденных тобой на наказание, об отвергнутых – вспомни обо всех, кто на кого наговорил и кто кого оклеветал. И сам как судья рассуди таковых, и наставляемый от Бога, вспомни всех, и сделай вот как: отпусти им, чтобы тебе отпустили, и отдай им, чтобы и тебе отдали»⁷. Если же говорить о восприятии княжеской власти населением, то необходимо учесть тот факт, что на Руси с конца XII столетия началось формирование двух традиций государственности: монархической (Северо-Восточная Русь с центрами во Владимире и Суздале, а затем в Москве) и республиканской (Вятка, Великий Новгород и Псков).

¹ Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры. / Ю.М. Лотман. – СПб., 2002. – С. 24-25.

² Омельченко, Н.А. История государственного управления в России. / Н.А. Омельченко. – М., 2005. – С. 79.

³ Котляр, Н.Ф. Древнерусская государственность. / Н.Ф. Котляр. – СПб., 1998. – С. 63-69.

⁴ Сергеевич, В.И. Лекции и следования по древней истории русского права. / В.И. Сергеевич. – М., 2004. – С. 100-110.

⁵ Фроянов, И.Я. Древняя Русь. / И.Я. Фроянов. – М., 1995. – С. 173-306; Скрынников, Р.Г. Русская история IX-VII веков. / Р.Г. Скрынников. – СПб., 2006. – С. 70-112.

⁶ Еремян, В.В. Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству). / В.В. Еремян. – М., 2005. – С. 449.

⁷ Творения митрополита Никифора. – М., 2006. – С. 116.

Города в Киевской Руси вполне могли бы повторить путь германских «бургов» и со временем сформировать собственные правовые системы и суды. В какой-то мере это удалось осуществить Новгороду и Пскову в XII-XV веках (до потери ими независимости и присоединения к Москве). Эти города-государства создали самобытные политические и правовые системы, основанные как на традициях и законодательстве предшествующего периода (подчинение Киеву в X-XII столетиях), так и на результатах собственного политико-экономического развития. По словам В.Л. Янина, «своеобразие новгородской государственности таково, что ставит в тупик любого исследователя, поставившего целью определить в простейших формулах ее характер. Новгородский «вечевой строй» привычно называют республикой. Однако на протяжении всего периода независимости структура новгородского государства неизменно включала княжеский стол. Неверно было бы включать Новгород и в число древнерусских княжеств ... Договорные грамоты Новгорода с князьями демонстрируют столь высокую степень ограничения княжеской власти органами боярской государственности, что князь в Новгороде предстает лишь одним из правящих органов властной системы. В эпоху расцвета новгородской государственности в XIII-XIV вв. он не имеет права собирать государственные доходы «своими людьми», власть земель в новгородских пределах и «кончать суд без посадника» в совместном с посадником суде; новгородцы же вольны пригласить князя и изгнать его по своему желанию. Новгородская государственность, следовательно, предстает перед нами как сложный симбиоз органов республиканской и княжеской власти, соотношение которых отнюдь не неизменно»¹.

Действительно, Новгород обладал существенными отличиями от вольных городов Запада. Как отмечает О.В. Мартышин, борьба городов Германии и Италии за самоуправление противопоставляла друг другу дворян и горожан и, соответственно, в определенном направлении формировалось право (усиленная защита жизни и имущества горожан, особо тяжкие наказания для дворян). Кроме того, дворяне были исключены из числа полноправных горожан. По О.В. Мартышину, «основу этих событий представляла четкая социальная дифференциация городского населе-

ния, нашедшая выражение в самоопределении торговцев и ремесленников, в их цеховой организации. Всего этого не знал Новгород. Социальные противоречия и там проявлялись в острой форме, но выступления трудящихся против бояр как сословия, а не против отдельных его представителей, были крайне редки, нестойки, быстротечны и не имели политических последствий»².

Тем не менее, в определенной степени Новгород шел по европейскому пути развития. Его правовая система была организована на разрешение многочисленных торговых и земельных споров, а учитывая значительную грамотность населения (необходимую для ведения предпринимательской деятельности) и свободолюбие горожан, можно лишь сожалеть о насильственном прерывании развития этого города-государства. Право и торговая деятельность самым тесным образом связаны друг с другом. Именно развитая торговля и ремесленное производство порождают формализацию общественных отношений, требуют юридического равенства хозяйствующих субъектов, а также фиксации их прав и обязанностей.

В отличие от монархических государственных образований Южной и Северо-Восточной Руси, в Новгороде и Пскове высшим органом власти выступало вече, т.е. собрание всех свободных граждан. Было ли вече регулярным? Вряд ли. Территория Новгорода вместе с «пригородами» и зависимыми землями оказывалась слишком велика для быстрого сбора участников вече. По мнению Р.Г. Скрытникова, «вечевые порядки гарантировали участие в управлении Новгородом представителей всего населения города, его «концов и улиц. По-видимому, вече не было органом повседневного управления. Редкие упоминания о вече в летописи разделены годами и десятилетиями. Вече брало на себя власть во всей ее полноте лишь в экстренных случаях: при низложении неугодного князя, вражеском нашествии и проч. Чрезвычайное положение в Новгороде обычно сопровождалось арестом князя или посадников, разграблением имущества лиц, поставленных вне закона. Элементы вечевого строя отчетливо обнаруживают особенности народной психологии. В Южной Руси бояре вешали князей. В Новгороде народ мог задержать князя, заточить его на владычном дворе. Но ни один из потомков Игоря

¹ Янин, В.Л. Новгородские посадники. / В.Л. Янин. – М., 2003. – С. 7.

² Мартышин, О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. / О.В. Мартышин. – М., 1992. – С. 431.

Старого не был убит народом. Напротив, в расправе с собственными выборными должностными лицами вече проявляло жестокость не знавшую границ»¹.

Подобное поведение участников вечевых собраний вполне объяснимо с позиции социальной антропологии. Пред нами – одна из форм внешнего проявления традиционной политической культуры. Неисполнение представителями власти своих функций лишает их действия сакрального содержания и поддержки богов. Соответственно, должностные лица вполне могут быть осуждены на смерть, а их имущество разграблено.

Однако в целом, несмотря на отдельные эксцессы, деятельность вече носила позитивный характер. Его основными предметами ведения являлись:

- призвание князей;
- заключение договора («ряда») с князем;
- изгнание князей
- вопросы войны и мира
- законодательство и управление².

Взаимоотношения городов-государств с князьями, разумеется, могли развиваться в общем контексте средневековой культуры, что предполагало оформление этих отношений не только в рамках светского, но и религиозного действия. Так, в Пскове модель взаимоотношений горожан с князьями выражалась в следующих формах: «помимо военно-политических обстоятельств на отношение к князю влиял еще и менталитет общества: в общественном сознании фигура князя осмыслялась как сакральная, наделенная священным содержанием. Об этом свидетельствует и ритуал вокняжения, проходивший в Троицком соборе: именно так мирская процедура приобретения трансцендентный, божественный смысл. Речь идет именно о сакральности, а не

о святости князя; свою праведность ему необходимо было доказать, а доказательством была личность Божия к жителям Пскова. Особую роль благочестие князя играло во время эпидемий»³.

Таким образом, можно утверждать, что наличие развитой городской жизни препятствует деспотическому правлению, подавляющему свободу самовыражения и самостоятельность при принятии решений. Исследователь проблем отечественной государственности В.С. Полосин, пожалуй, прав, ставя вопрос: «Есть ли в исторических генах русского народа иной политический архетип, не связанный с монголо-византийским колониальным наследием? Иная, национально-демократическая государственность имеет место в собственной истории Русской земли – это история политического устройства русских городов-государств до Владимира Святославича и это история Новгородской республики XII-XV веков... Политическая мифология идеологии возрожденной национальной русской государственности, русского народо-властия могла бы быть – при наличии политической воли – воссоздана из бесценного опыта наших предков»⁴.

После присоединения Новгорода и Пскова к Москве и насильственной депортации значительной части их населения наступила эпоха угасания городской культуры Северо-Запада России. Отныне российские города долгое время представляли собой укрепленные пункты, охранявшие торговые пути и служившие местом пребывания администрации. Самоуправление сохранялось только на русском Севере, не знавшем крепостного права и за дальностью своего географического положения недоступного для мелочного контроля со стороны правительства.

¹ Скрытников, Р.Г. Русская история IX-XVII веков. / Р.Г. Скрытников. – С. 131.

² Дьяконов, М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. / М.А. Дьяконов. – СПб., 2005. – С. 107-111.

³ Аракчеев, В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV-XVII веках. / В.А. Аракчеев. – Псков, 2004. – С. 42.

⁴ Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство. / В.С. Полосин. – М., 1999. – С. 431.